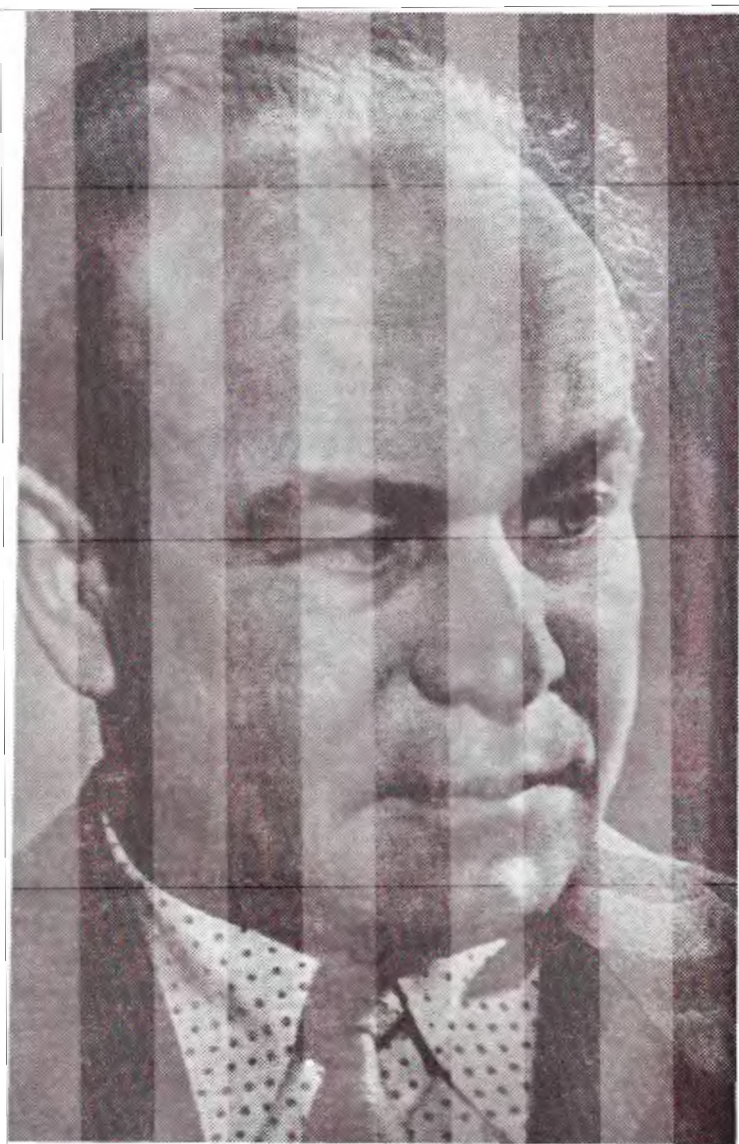

8454
С-2

АЛЕКСЕЙ
СМОЛЬНИКОВ

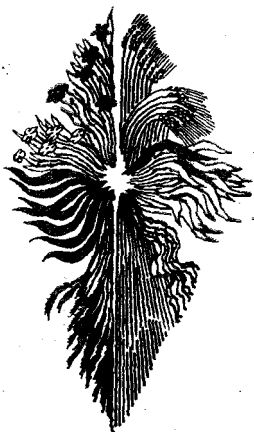

СЛЕД
ЗВЕЗДЫ

АЛЕКСЕЙ СМОЛЬНИКОВ

СЛЕД
ЗВЕЗДЫ

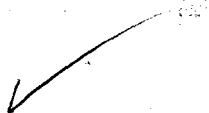

СТИХИ
И
ПОЭМЫ

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ
1978

013871

Память войны, сегодняшний день нашей страны и ее история, живые впечатления о поездке на Кубу — вот круг основных мотивов новой книги стихов и поэм Алексея Смольникова. Входят в книгу и стихи о любви, о природе, о творчестве.

Художник Б. М. Косульников

ПЕРЕПРАВА

Поэма

Товарищам моим, минометчикам полковой батареи 73-го стрелкового полка 33-й Краснознаменной ордена Суворова Холмско-Берлинской стрелковой дивизии 3-й Ударной армии

1

Мы подходили к Одру в ту ночь.
Уже нас ожидал у переправы
Тот плес его, широкий и кровавый,
Что «юнкеры» спешили истолочь.

Уже нам открывалась иногда
Там, за рекой, в дымах и вспышках пойма,
И сквозь сосняк тускнела беспокойно
Холодная апрельская вода.

Там был плацдарм — прижатая к реке,
Искромсанная сталью луговина.
Всего два перехода до Берлина.
Когда бы их проделать налегке...

Кончалась ночь, как и сама война,
Уже светлело небо за спиною.
Казалось, почки выстрелят листвою,
Едва лучом коснется их весна.

С земли тянуло прелью, и поля
Давно уже соскучились по плугу.
Увы, хоть с фонарем пройти округу —
Ни борозды, мертва лежит земля.

Пусты деревни, ни дымка вокруг,
Как будто их чума опустошала.
Лишь где-то кочет крикнет одичало
Да на ветру ворота скрипнут вдруг.

Все угнаны за Одер. Странен вид
В пустых полях безлюдных поселений!
Как будто никого во всей вселенной —
Одна луна ненужная висит...

Мы шли к реке. Нам предстоял бросок,
Каких еще планета не знавала,
И ночь одна надежно укрывала
Полков усталых хлынувший поток.

И лес гудел от топота коней,
Трясло повозки, как на первопутке,
И мы в рукав курили самокрутки,
Чтоб с неба не заметили огней.

Лишь за рекой взбухал пожар вдали
Открыто, ненасытно и кроваво.

И где-то там горела переправа,
К которой мы той ночью не дошли.

2

Рассвет застал нас на пути к реке.
На дневку в лес укрылась батарея.
Как спали мы! Вставало солнце, грея,
Редел туман на ближнем большаке.

И лес светился. Теплый сноп лучей
Пронзал его до корневищ, казалось.
Капель на прутьях лаковых качалась,
Гнездилась стая шумная грачей.

Мы спали впрок, укрытые леском.
Портянки наши ветром полоскало.
В котле «шрапнель» ворчливо клокотала,
Соломой кони хрупали кругом...

Никто из нас не знал еще тогда,
Какая ожидала нас работа.
Поденщики войны, ее пехота,
Мы рвали доты, брали города.

Мы все могли — был крут солдатский счет,
И долог путь, и справедлива ярость.
Уже с колен Европа поднималась,
Благословляя правый наш поход.

И где-то там, за огненным кольцом,
Уже почуяв смертный миг расплаты,

Примолк Берлин, и знали мы, солдаты:
Настал наш час сойтись к лицу лицом...

3

Нас выстроили в полдень. Уж лесок
Чуть вздрагивал от дальней канонады.
Прижав к носку привычные приклады,
Молчал наш строй, торжественен и строг.

Железный слог приказа... Кто не знал
Его непререкаемого слова!
Когда бы нас, на все идти готовых,
Он в самом деле в пекло посылал!..

Приказ гласил: кончается война,
Уже недолги Гитлера потуги,
А потому — собрать плуги в округе,
Пахать и сеять. На дворе весна.

Пахать и сеять... Вечные слова,
Как непривычно вдруг вы прозвучали!
Наверное, минуту мы молчали,
Пока ваш смысл дошел до нас едва...

Германия, бывала ли вина
Тяжеле той, что ты взяла на душу?
Уже четыре года землю рушит
Тобою разожженная война.

Какою кровью оплатили мы
Свой каждый шаг по горестной планете...

Пахать и сеять брошенные эти
Поля твои, лощины и холмы!

...Плыла над лесом белых туч гряда,
За черным логом марево дрожало.
Сказал комбат: «Ну, что ж, начнем, пожалуй.
Не из России ж хлеб везти сюда!»

Еще сказал: «Окончится война,
Здесь будут не помещики — крестьяне.
Пшеницу мы из ям у них достанем,
К их возвращенью вырастет она».

4

Как мы его пахали, этот лог!
Впрягли в плуги мы лошадей усталых,
И снизу — вверх,
И сверху — вниз,
Пластами,
Пластами раскроили поперек!

И бороны пустили, и потом
Из конских торб,
по-дедовски,
вручную,

Под бороны пшеницу ту чужую
Швыряли в их бесхозный чернозем!

Нам не хватило сеялок. Вокруг
Уже пустила сеялки в работу
Полей царица — наша же пехота, —
И ждать ее нам было недосуг.

И, склоны облепив, как муравьи,
Мы шли шеренгой —

в ногу,

в ногу,

в ногу —

По этому по чертовому логу,
Где лишь недавно кончились бои.

Лишь всхрапывали лошади порой
И прочь тянули бороны пугливо,
Когда удар тяжелого разрыва
Вдруг встряхивал полнеба за рекой.

И кто-то, отерев ладонью пот,
Глядел туда: «Ишь нервничают фрицы!»
И, зло швырнув на землю горсть пшеницы,
Спешил догнать опередивший взвод...

Россия, как-то ты поля свои
Распахивала в этот год суровый,
Когда в плугах ходили лишь коровы
Да бабы терпеливые твои!

Твой хлеб, как тяжело доставался он,
Как нелегко делился он по крохам,
Приправленный мякиной и горохом
И вдовьею слезою присолен...

5

Мы уходили вечером. Луна
Над нашим логом выплыла устало.
Еще ворчливо где-то рокотала
За Одером притихшая война.

Таких
у армий
не было побед.
Лишь наша стала первой: это нам
Цветы
Европа
под ноги
бросала.
Страна моя, не ты ли возвещала
С рейхстага
мир
воспрянувшим сердцам!

Солдаты удивительной страны,
Мы были лишь лучом твоим счастливым,
Согревшим их истерзанные нивы
В закатный час катившейся войны...

Твой рядовой, я помню этот час.
Я знаю, как прекрасно сердце бьется,
Когда ему сквозь годы улыбнется
Твой красный флаг, в поход водивший нас!

Был Берлин в те дни совсем развален,
И на Эльбу пятилась война.
Надо ж — где-то баню меж развалин
Углядел дотошный старшина!

Мы идем, шагаем, как на марше,
На груди на случай автомат.
Веник да парок бы нам пожарче —
Вот бы дал тут шороху солдат!

Что ж, братва, скидай скорей порточки —
Мыло есть, и то уж божий дар.
И помыться надо, это точно, —
Снять со шкуры копоть и нагар.

Как мы мылись, хвастаться не будем.
Полотенце в узел — и давай!
Лишь спина гудела, словно бубен,
Только кожу вовремя меняй.

Кипятком прошпаришься — и с гиком
Под кувалду эту в обмолот.

За четыре года всей великой
Получай, ребятушки, расчет!..

Ах, как шли мы после этой бани
По берлинской дымной мостовой! —
Молоды, горласты и румяны,
Песню развернув над головой!

Черт не брат! Кому охота — слушай,
А не хочешь — мы тут не вольны.
Пели «Трех танкистов» и «Катюшу»,
Как не пели даже до войны.

И глядел нам вслед прохожий долго
И понять, наверное, не мог:
Кончилась война ведь только-только...
И снимал в молчанье котелок.

Ощущение первое это:

Все. Свершилось. Задохлась война!

Вот уткнуться б щекою в планету,

Будто мамина кофта она,

И уснуть, словно рухнуть в могилу,

На сто лет — в тишину, в забытье,

Чтоб добрать, что не доспано было

За все зимы и лета ее.

И потом только, выспавшись вволю,

Вдруг понять, не открыв еще глаз:

Жизнь твоя — предисловье, не боле,

К той, другой, что начнется сейчас...

Вот плыву по реке,
как плыву в юность,
Будто там, вдалеке,
мама улыбнулась.

Кто-то, слышу, шумит:
этот край неласков.
Будто бабушка шуршит
мне мою сказку.

Для кого-то — река,
для меня — зыбка.
Будто чья-то, легка,
надо мной улыбка.

Для кого-то — волна,
для меня — ладошка.
Не из тучи луна —
пирожок в окошко.

Для кого-то — сойди,
погуляй плесом.

Мне — припасть, как к груди,
ткнуться в шаль носом.

Для кого-то — помахал
берегу лесному.

Для меня — потерял,
свидимся ли снова?

Мы в этот дом входили, точно в храм.
Еще к одежде штатской непривычны,
Весь день отдав своим профессорам,
Мы шли сюда дружиною обычной —
Перед Парнасом не теснясь столичным,
Воздать, что должно, музам и стихам.

Как были боги молоды тогда!
Они и сами, сняв едва шинели,
Как в первый раз порою шли сюда
И по-гусарски весело хмелели,
И оттого, что сами уцелели,
К нам благосклонны были иногда.

Седин не помню. Был Фадеев сед —
И тот был прям, как юноша, в ту пору, —
Не множество — огонь минувших лет,
Их блеск, их груз, их торжество и горе
Его коснулись. Так белеют горы
С вершин своих. Но как высок их свет!

Наш добрый дом, он был нам мастерской.
Он был сосудом, где растут кристаллы
(О alma mater, наш бульвар Тверской,
Поклон тебе — тебя нам не хватало:
Нас жизнь таким рассолом пропитала,
Что соль наук пресна была порой!).

Лилось демократичное вино,
Стихи по кругу тесному читали,
Как было меж друзей заведено, —
То в воду, то в огонь их опускали,
Как тот клинок дамасской звонкой стали,
Тончайшее разивший полотно!

В. К.

...И когда, метеору подобно,
Распорол он огнем полнебес,
Вдруг внизу проступили подробно
Желтостепье, озера и лес.
И поплыли, сдвигаясь и тая,
Латки пашен, степные колки,
Точно лента в траве голубая,
Заблестела излука реки.
«Волга? Только б не в воду...» — мелькнуло.
Но уже набегала земля,
Будто руки навстречу тянула,
Как ладони подставив поля.

Он не видел, как жухлой стернею —
Лица в небо — по полю бегут
На зависший уже над землею
Марсианский его парашют,
На пятнистый, в окалине рыжей,
Внепланетный космический шар.
Он лишь помнил, спускаясь все ниже,
Про последний о землю удар...

Был, наверно, и вправду он странный
В одеянии цвета огня,
В том скафандре,

инопланетянин,

Вдруг среди бела явившийся дня.
Он стоял близ упавшего шара,
Точно вышел птенец из яйца,
И лишь ветер дышал в него шало
За стеклом, не касаясь лица.

Где он?

Поле какое-то рядом.

Одаль женщина. Девочка с ней...

Как тревожно следят они взглядом —

Не спугнуть бы, сорвутся, ей-ей!

— Свой, товарищи, свой! — закричал он,

Торопливо сорвав гермашлем.

Но она на колени упала,

Та крестьянка, робея совсем.

Уж давно рокотал над планетой

Лесвитана ликующий бас,

Но она и не слышала это,

Выгнав в поле теленка как раз.

Лишь увидела шар этот странный

И диковинный этот полет.

— Свой я, свой! Как зовут-то вас?

— Анной... —

А сама и с колен не встает.

А сама все глядит: улыбнулся.

К ней подходит...

— Да кто ты такой?

— Я — Гагарин. На землю вернулся.

Я из космоса, Анна, я свой!.. —

Где-то в поле пылила трехтонка,

Где-то несся к нему вертолет.

А Гагарин смотрел на теленка
И смеялся: свершился полет!
— Ну, так где же я сел-то хоть, Анна?
— Да Смеловка вон там, у леска.
Закружил ты меня, окаянный!
Ну, пойдем уж, налью молочка... —
Но Гагарин стоял среди степи.
Пахло почками, влагой, стерней,
И ручьишки весеннего лепет,
Как бубенчик, звенел над землей.
Он звенел в той лощине весенней,
Не заботясь нимало в тот час,
Что уже до окраин Вселенной
Эта песня его понеслась...

Еще фронты кругом,
Рязаруха всюду,
И повосел кремлевский — Совнарком
Ютится в тесных комнатах, покуда
Ремонт в Кремле,
И сор, и стук кругом.
Еще едва расчищены от хлама
Кремлевские дороги там и тут,
И суриком
Щербатины на храмах
Под вешним солнцем яростно цветут.
Зазеленеть бы травам
И лучиться
Зарею алой маковкам Кремля,
Но вся еще не прибрана столица,
Как, впрочем, вся российская земля...

Тот Первомай... И голод, и заботы, —
Он трудным был.
И было решено:
Пускай он будет Праздником Работы,
Как на Земле Рабочих быть должно.

И вот с утра
Кремлевские курсанты,
Нарком, шофер, строитель, часовой —
Багряные горят в петлицах банты —
На площадь вышли праздничной толпой.
Никто в тот миг и не заметил даже,
Как вдруг он появился на плацу,
Лишь по-курсантски
Вздрогнул строй фуражек
И по команде встал боец к бойцу.
Но Ленин,
Командира упреждая,
Вдруг честь отдал, как будто рядовой:
Мол, к вам в распоряжение поступаю.
И встал на левый фланг
В солдатский строй.
Сейчас развод недолгий,
И начнется —
Под звон лопат носилки заснут,
И вот уж кто-то весело смеется:
Не мы ль твердили — миром правит труд!..

Потом
На Красной площади
Весенне
Гремел парад и митингов прибой,
И Ленин деревца сажал со всеми
Перед Кремлевской красною стеной...

ДЕНЬ СТРОИТЕЛЯ В ВУКТЫЛЕ

Утром надрывался динамик у треста,
Просто бился на мачте кумач,
Как будто собой обозначив то место,
Как дождик горячий, как взмыленный вестник,
Ливнул, носился по площади вскачь.

На митинг, на митинг! — кричал он азартно.
И комель топор,
И топлату в песок!
И следок, едва нанесенный на карту,
И рваные руки он вытрет о фартук
И потные плечи расправит, высок.

До ночи клубились распаренно бани,
И венки яро круша о бока,
До стоном и хохотом тешились парни,
Влажно катаясь по плахе полка.

А дома их жены, легки и румяны,
Жеждали мужей у стола:

Картошка дымится и искрится пряно,
И, словно лучом подчеркнувшая грани,
«Столичная» ждет, как невеста, светла.

Эх, стопка с устатку, подушек прохлада
И тесный в плечах заграничный нейлон!
Уже он висит, отутюжен как надо,
Топорщится только, бедняга, с досады,
Хотя не из газа ль вуктыльского он?

А утром мужья, приодетые чинно,—
Дочурка на плечи, под ручку жена,
Сойдутся на площадь и встанут картинно,—
И то хорошо, что хоть речи не длинны,—
Отслужат положенный митинг сполна.

И право же это не так уж богато —
Ну, грамота там да костюмный отрез,—
Но глянь, как к трибуне шагнут они свято
Ту премию взять, точно орден солдаты,
И плеском ладоней взрывается трест!

И туш им по радио вместо оркестра,
И жмет пятерню им родной их местком,
Но сразу полтреста срываются с места
И мнут их и тискают, что твое тесто,
И что им с того, что Вуктыл под дождем!

А солнце-то, солнце!
А флаги-то, флаги!

Но премии тоже достойный почет...
Они той земли перерыли, как драги,
Покуда, родимый, как нечто из фляги,
По трубам прожорливым газ потечет!

Мне сперва показалось,
Он стал на причал:
Белый нос на течение,
И на тонком, чуть накренинном флагштоке,
Будто клинышек пламени,
Красный флажок трепетал,
Все пытаюсь взлететь,
Как с запястья охотничий сокол.
Мне сперва показалось,
Сейчас он вздохнет, пароход,
И над белой, еще со следами эмали, трубою,
Точно белое облачко,
Басовито клубок вспорхнет
И покатится перекатами над гулкой рекою.
И на мостик высокий
В снежном кителе
Капитан взойдет:
— Носовую отдать! Кормовую отдать! —
И зашлепают неторопливые плицы.
И на пристани отстающей
Кто-то белым платком взмахнет,
И на палубе удаляющейся
Пассажиры будут толпиться...

Только что ж это, право?
Ни пристани нет, ни людей,
Ни гудков, ни цветов,
Словно вымерло все над рекою!
Белым боком грузнеющим,
Едва не сломав ветвей,
Привалился он к берегу,
Будто дождался покоя.
Рыжий, в ржавчине, трос
Был к березе прикован скобой,
Пузырилась застойно вода,
В белый борт его шлепая хлюпко
И не дым — воробы
Над остывшей суетились трубой,
И была снесена за ненужностью
Капитанская рубка...
Вот такая история:
Стал общежитием ветеран.
Кто-то варит в каютах борщи,
И не флаги расцвечивания —
Развешаны рубашки на тросах.
И, наверно, на берег,
За ненадобностью списан седой капитан,
И, наверно, в лодочники
Подались потихоньку матросы.
Здесь гармошка вечерняя,
Поллитровка воскресная,
На неделе — пожалте — кино,
И еще простор —
Луговина от стрелки до стрелки!
Но грохочет в салоне
Пулеметная дробь домино
И шуршат на корме
Бесконечные женские посиделки.

...Так от вечера к вечеру,
Клюзы вниз, будто пряча взгляд,
Он стоит, как в дремоте,
Лишь вздрагивают зеркальные стекла в салоне,
Только слышно —
В машинном
Нет-нет ревматично шатуны заскрипят
Да в силовой трубе
Ветер завозится сонно...
Но однажды утром,
Когда на железной палубе
Смолк грохот сапог
И, раскачивая тяжелые трапы,
Взрослые ушли на работу,
Лоскутком горячего пламени
Вдруг вылетел флаг на флагшток
И: — К отходу готовься! —
Задорно скомандовал кто-то.
Пароходские мальчишки,
Как ждали они тот сигнал!
Как мечталось им обрубить однажды швартовы:
Кто-то трап пытался поднять,
Кто-то с кнехтов тросы срывал,
Кто-то с мостика капитанского
В рупор распоряжался сурово!..
Будто по солнцу в окна
Вставили пароходу в тот миг!
А когда из трубы дым выпустил гриву,
Показалось, и впрямь
С хрустом провернул шатуны старик,
Даже сосны на круче
Лапами замахали: «Счастливо!»
И по глади ликующей,
Форштевнем вспоров облака,

Показалось — он шел! —
Точно праздник обещанный,
На который хотели вас взять и не брали!
И все меньше была
Там, на круче,
Чья-то с платком рука,
Все крупней и подробней
Навстречу плывущие дали...
Побросав работу, взрослые прибежали на парох
Кто-то дал тумака капитану,
Подзатыльники разбросал матросам,
Кто-то трап закрепил,
Кто-то запер в машинное вход,
Хотя давно уже были сняты с парохода колеса...
Вот и все.
Снова борт студенистая лижет волна,
Снова стук домино у мужчин,
А у женщин опять посиделки.
И мальчишки опять,
Свесив ноги с обрыва,
Молчат над рекой дотемна
И глядят, как тяжелое солнце
Устало садится на стрелке...

Гостевая комната заставы —
Две кровати, тумбочка, окно...
К гостю снисходительны уставы:
Хоть всю ночь кури — разрешено.

На посту сменяется дневальный,
Часовой шагает у ворот.
Я могу всю ночь официально
Спать —
Меня тревога обойдет.

Даже вон связист у аппарата
Трубку прикрывает, говоря,
И в дозор идущие ребята
Не гремят, не топают зазря.

И уходят молча от заставы,
Каждый шорох слушая в пути,
Потому что главный пост державы
Им доверен,
Как тут ни верти...

Шьет сапоги сапожник, мой сосед,
Купцам, гусарам, ветреным корнетам —
Не год, не два идет в театре этом
То опера какая, то балет.

Он стар уже, морщины режут лоб.
Он чинит всем протертые подметки
И пофамильно метит все колодки —
Избави боже, перепутать чтоб!

Они танцуют. Слышно вон альты.
Они вбегают, молоды и звонки.
Кто-кто, а он тут нужен, в комнатенке, —
Так судит он с чердачной высоты.

Он иногда нисходит и туда,
На праздник муз и ликование света,
В свой пиджачишко старенький одетый,
Чтоб глянуть молча на плоды труда.

Ах, как им всем танцуется светло!
Вздохнет и побредет к своей светелке.
Лишь чертыхнет на лестнице осколки —
С Отечественной носит, тяжело...

Свойство памяти или души —
Перебеливать начисто, что ли,
Все досады свои и все боли,
Пережитые сердцем в тиши.

Будто вот продышалось стекло
И увиделось давнее ясно,
Что хранилось в тебе не напрасно,
Хоть, казалось, давно утекло.

Будто все обозрев с высоты,
Как бы с птичьего, что ли, полета,
Только главные видишь черты,
Не работу — итоги работы.

Но уже ни хлопот, ни забот,
И легко тебе сразу вздохнется.
Только сердце нет-нет встрепенется,
Только сердце, — но это ли в счет!..

Переводчица

Селии Суарес Сотомайор

Поначалу казалось: девчонка! —
 Хохотунья, певунья, юла.
 Так порою раскатится звонко,
 Будто юность еще не прошла.
 Будто первый денек без опеки
 И весь мир — как поклонник у ног.
 И затем лишь вокруг человеки,
 Чтобы слушать ее хохоток.
 И с утра:
 — Ну, куда мы сегодня?
 Я хозяйка, и Куба — мой дом.
 Как вином, угощаю свободой,—
 Говорите, куда мы пойдем!
 Ей весь день хохоталось и пелось,
 Каждой стрункой звенелось внутри:
 — Это сафра — мои мачетерос¹!
 Океан — пескаторес² мои!..—

¹ Мачетерос — рубшики сахарного тростника (исп.).
² Пескаторес — рыбаки (исп.).

Лишь однажды, как будто бы флаги
Приспустила внезапно страна,—
Это было в горах под Сантьяго,—
Вдруг притихла внезапно она.
Уложила цветы молчаливо,
Наказала шоферу: — Постой.—
И с букетом ушла сиротливо
К придорожной могиле простой.
Мы не сразу прочесть догадались
На плите, заслоненной листвою,
Этот текст: «Оливерию Суарес...» —
Над могилою той фронтовой.

Мы траву помогли обогнуть ей,
Порывавшую ветвь отвели
И сочувственно встали, как братья,
Рядом с нею. А что мы могли?
Лишь потом голова совместила
Все, что прежде узнать довелось:
То была ее брата могила —
Ей двух братьев лишиться пришлось.
Да еще жениха схоронила,
И сама лишь случайно в живых...
Партизанские эти могилы,
Сколько тут по обочинам их!
Пирамидки стоят вдоль дороги,
Просто груды камней-валунов...
Что ж, шофер, поспешай понемногу!
Мы в машину садимся без слов.
А кругом все плантации, фермы —
То тростник, то бананы стеной.
Тракторист развеселый в сомбреро,
Улыбаясь, нам машет рукой...
Все другое вокруг, все иное.

Только вдруг улыбнешься светлей:
Так на хатку походит порою
Дом под пальмовой кровлей своей!
И невольно склоняешься:
— Что там? —
К переводчице:
— Что там за дом? —
Но теперь помолчать ей охота,
Видно, думы у ней не о том...

Кочинос

19 апреля 1961 года революционная
Куба наголову разгромила части
контрреволюционных наемников, вы-
садившихся в Плайя-Хирон.

Залив Кочинос — имя-то какое! —
Залив свиной.
Но именно сюда
Дорогою ночью воровскую
Их, как свиной, забросили тогда.

Им дали и суда, и пулеметы,
И флаги с крепким ромом, чтоб храбрей.
Они б насквозь прошли по ней поротно,
По родине воспрянувшей своей.

Плانتации свои, дворцы и фермы —
Ох, как они вернуть хотели их!
Они бы всех скальпировали, верно,
Крестьян непокорившихся своих.

Им только бы за берег зацепиться,
С неделю продержаться бы, а там —

Но в день, когда сошлись на площадь люди
С обидой,
с болью,
с горечью своей,
Сказал Фидель: — Мы их судить не будем.
Мы продадим их
Оптом, как свиней!

По десять тысяч долларов за душу
Дают за них
По щедрости своей!
Хотя какие души —
Просто туши,
Пуškai их забирают поскорей!
А транспорт тот, что их загрузит в трюмы,
Он привезет медикаменты нам... —
И долго площадь слушала угрюмо,
Внимая неожиданным словам...

Печаль, она не сразу отпускает,
И боль, она отходит не спеша.
Но как в Гаване весело бывает,
Когда звенит от хохота душа!

...Тот пароход, ах, как спешил он в море,
Приняв на борт две тысячи голов,
Как на ладони виден на просторе
Республике, смотревшей с берегов!

Он уходил, дымили долго трубы,
Пошлепывал в корму попутный вал.

Мне звонили из Сантьяго:
«Покажи, Хосе, им все!» —
И смеется Артеага,
Вскинув солнечно лицо...

Вот куда б корреспондента —
Вся саванна как в росе!
Восемь школ вдоль синей ленты
Первоклассного шоссе.

Восемь новых интернатов,
Полных солнца и детей,
Между шахматных квадратов
Вновь нарезанных полей.

Мы идем от поля к полю,
Мы идем из класса в класс,
И ребята в каждой школе
Окружают стайкой нас.

Нас ведут в библиотеку,
Нам о книгах говоря,
Здесь, в саванне, где от века
Не знавали букваря!

«Тихий Дон» стоит на полке,
«Поднятая целина».
Объясняют хором долго,
Почему она нужна.

И, волнения не выдав,
Курит тихо в стороне
Партизанский их Давыдов
С пистолетом на ремне...

Вся в плакатах республика — сафра.
На плакатах мачете клинки.
И смеется республика:
Завтра
Будет сахар — и будут станки.

Не с того ли в сомбреро вся Куба?
Не с того ли таклюдно в полях?
И дымят круглосуточно трубы
Над саванной в сладчайших цехах!

Сладок сахар кубинский, все знают,
Тут излишни любые слова.
Только поле сперва обжигают,
Чтоб сгорела сухая листва.

И по гари, по черному пеплу,
Точно в джунгли, врубаясь в тростник,
Под тропическим солнцем, как в пекло,
Мачетерос идут напрямик...

Солон сахар твой признанный, Куба.
Черен пот на шершавых щеках.
Но улыбка твоя белозуба,
И работа твоя не за страх.

Потому что стоят у причала,
Сквозь блокаду пройдя, корабли,
Потому что спокойны и алы
Флаги дружбы из братской земли.

И еще потому, что ударно
Ходят в поле с тобой что ни год

То димитровцы, крепкие парни,
То берлинцы, рабочий народ.

Ничего, что маршрут у них дальний,
Что штормит океан за кормой,—
Точно вспышки зеленые, пальмы
Фестивально летят над тобой.

Берег Хемингуэя

Когда загораются звезды,
Я вижу — идет он на берег.
Как прежде, идет он на берег,
А мне говорят: погиб.

Вот здесь он сидит на камне,
Рукой опершись о гору,
И тихое, как собака,
Ложится море у ног...

О красота молчанья!
Ее растеряли люди.
Доступная только древним,
Она сторонится их.

А с ней так уютно в мире,
Как в старом привычном доме,
Где хрипло скрипят половицы
И возится ветер в трубе.

И ветер качает сети,
И вешалá темнеют,
И, с Млечным мешаясь дымом,
Над трубкой висит дымок.

В питомнике крокодилов

Порождение юры¹ и триаса²,
Текодонта³ дремучая ветвь,
Он на берег лагуны взобрался,
Чтобы спину на солнце погреть.

Весь обсохший — куда торопиться! —
Он недвижно лежал в полусне,
И какие-то юркие птицы
Копошились на грязной спине.

Тонконогие гномы болота, —
Он давно к суете их привык, —
Даже глаз открывать неохота
На писклявый их, суетный крик.

Он лишь кашлял порой отчего-то
И лениво смотрел иногда,
Как собратья сползали в болото
И кипела от распри вода.

Сто ли, тысяча лет промелькнуло,
Или виделось это во сне —
В небесах реактивные гулы,
Плеск весла на соседней волне?

Он сонливо поклацал клыками,
Будто пробуя, есть ли в них прок.

¹ Ю р а — юрский период мезозойской эры.

² Т р и а с — период мезозойской эры, предшествующий
скому.

³ Т е к о д о н т — пресмыкающееся триасового периода.

А фотограф — на кресло с ногами! —
То мгновенье, как чудо, стерег.

И — бинокли к глазам, точно в ложе, —
Спихнулись все дамы кругом:
Хороша ль крокодилова кожа?
Только он не слышал ни о чем.

Он привычно задерживал веко,
Будто штору спуская на глаз.
Человек? Он не знал человека,
Как не знал человека триас...

* * *

Густаво Эгурену

Что надо нам, дружище, на дорогу?
Мы пьем с тобой прощальное вино,
Мы шкварками хрустим, и понемногу
Синей, синей становится окно.

И оба мы отлично понимаем,
Что утром нас разделит океан,
И оба мы фужеры поднимаем
Почти что с чувством инопланетян.

Ах, как оно бестрепетно и ярко,
В ладонях наших терпкое вино!
«Ты знаешь, что в фужерах?»
«Vino blanco».
«Да, угадал: чилийское оно...»

Мы говорим глазами, не словами,
Как будто впрямь простились, далеки,
Хотя всего столешница меж нами —
Три потемневших пальмовых доски...

В отеле «Гавана либре»

За гостиничной стенкой ночью,
Видно, снова землячество: спор.
— Си, чиленос... — кивнул головою,
Улыбается грустно лифтер.

Да, чилийцы. Я знаю об этом —
Вся гостиница ими полна.
Это, в сущности, рядышком где-то —
Горемычная их сторона.

Старики, ребятишки, старухи,
Дым фашистских костров за спиной...
Первый курс пролетарской науки,
Как он трудно дается порой!

Я не сплю до рассвета. Не то что
Голоса мне слышны за стеной.
Я почти и не слышу их, просто
Мне не спится в Гаване ночной.

То с чего-то припомнится детство —
Те тридцатые годы, когда
Привезли ребятишек в Одессу
Из Испании наши суда.

То над Волгой вселенские бури
И руины твои, Сталинград.

И в пилотке Рубен Ибаррури —
Краснозвездный России солдат.

То Берлин той весной сорок пятой,
И вблизи Бранденбургских ворот
Русской кашей спасают солдаты
Отощавший берлинский народ...

Где-то город мерцает устало,
Где-то краны рокочут в порту...
Грянуть бы «Интернационалом»:
Через эту их всю маету!

Но дымит сигарета ночная,
Вьется синим колечком дымок,
И чилийцев моих, не стихая,
Все журчит за стеной говорок.

Все-то спорят, и некуда деться,
Хоть давно уж весь город затих.

Хорошо, что теперь по соседству
Куба есть в полушарии их...

Один вопрос солдатам Пиночета

Ваши лица в тот день —
Они сажей измазаны были,
И вы думали — вас не узнать.
Ваши руки в тот день —
Они красны от крови были,
И вы думали — просто ее отмывать.
Только чем вы отмоете души?
Вы о душах забыли.

Генерал Пиночет
Ничего не сказал вам о мыле?
Впрочем, что генералу мыло! —
На души ему наплевать.

...И пока Сальвадор Альенде
Землей наделял батраков,
И пока он, воюя с Конгрессом,
Строил дома рудокопам,
Добивался, чтоб детям,
Вашим детям голодным,
Давали бесплатное молоко,
Вам в казармах
На глаза шоры надели скопом,
Вы в казармах,
Уши развесив, слушали Пиночета.
(Ах, как было ему вас, ослепших,
Дурачить легко!)
Он уверял вас, что вы — солдаты,
Поскольку вы в мундиры одеты,
Поскольку слушаетесь приказа,
Поскольку строем идете стрелять.
Он называл вам все это Долгом,
Он говорил, что все это свято,
Только зачем же тогда
Лица

сажей

вам мазать надо

Перед тем, как долг выполнять?

Гаванский порт

О ветер с Мексиканского залива,
Как ты бываешь холоден и лют!

По набережной мокрой торопливо
Автобусы гаванские снуют.

И со скалы над крепостью испанской
Сторожко вдаль глядит ночной маяк:
Как близок здесь тот мыс американский,
С которого приплыл когда-то враг...

Попытку ту он повторит едва ли:
Запал не тот, и времена не те.
Но, флаги сняв, не раз тут побывали
Какие-то эсминцы в темноте.

И потому, когда залив грохочет,
Не спит Гавана, слушая прибой:
Удар волны так схож бывает ночью
С внезапной орудийною пальбой.

И только порт работает, как прежде:
Скрипит лебедка, грузно ходит кран —
Живое воплощение надежды
На спайку пролетариев всех стран.

И нет ему ни часу перерыва —
Пришли машины, поступил бетон.
И то, что где-то шторм грозит с залива,
Не слышит он. Не хочет слышать он.

«Бодегита дель Медьо»

Есть в Гаване кабачок —
«Бодегита»-старичок.
Загляни туда, приятель,
Если выкроишь часок!

Там не надо много песо,
Нрав веселый там в чести.
Ты друзей для интереса
Лучше шуткой угости.

Он и сам шутил немало,
«Бодегита», в трудный час,
Встретив вывеской, бывало:
«Кухня

скверная

у нас.

Но запомни — у соседа
Угостят куда скверней!»

«Бодегита», «Бодегита»,
Пережил ты много дней.

И актеры, и поэты,
И голодный прочий люд
В оны веки, в оны лета
Все порой бывали тут!

На стенах твоих доселе
Их автографам почет:
Шаржи, фото, акварели
И коллекция острот.

«Бодегита», «Бодегита»,
Миновало столько лет...
Где теперь он, твой Сакито,
Композитор и поэт?

Две гитары, две мараки¹ —
Как и прежде, весь оркестр.
Только, верь мне, это враки,
Что не слышен он окрест!

Спой, Сакито-старичина,
Ну хотя б про петуха,
Что влюбился в попугайку, —
Или курица плоха?

Он уже крыло топырит,
Вожделенно глаз косит.
«Осторожно, осторожно!» —
Попугайка голосит.

Две гитары — обе в хохот!
Две мараки — чок-чок-чок!
Не устанут руки хлопать —
Спой нам песню, старичок!

Это в жизни очень много —
Покидая берег твой,
Увезти с собой в дорогу
Смех мараки озорной.

Чтоб с улыбкой белозубой
В Шереметьеве родном
Все смеялось: ай да Куба!
Все шепталось: вива Куба!
Все желалось: здравствуй, Куба,
Там, на острове своем!

¹ М а р а к а — оркестровый инструмент, род гремушки.

Анхелю Аухьеру

Не близок твой остров, Куба, от берегов России.
 Раскинешь по карте руки — и пальцами не достать:
 Двенадесять стран Европы,
 Разлив океанской сини
 И столько меридианов, что их надоест считать!

Но я узнаю зарницу за кривизной планеты
 На том, другом полушарии встающей во мгле земли
 Твое молодое пламя —
 Оно не того ли цвета,
 Горячего цвета утра, что мы над Невой зажгли.

Так, значит, не гасят бури, значит, не держат реки,
 Значит, разносит искры по городам земным,
 И над теснотой земшара
 Сквозь ураганы века
 Мы на волне октябрьской о будущем говорим!

Нас тоже стереть пытались, нас тоже пугали грубо
 К нам тоже ломились гости четырнадцати гербов.
 Ты только будь гордой, Куба,
 Ты только будь твердой, Куба,
 Ты только смотри спокойно с высоких своих берегов!

Не близок твой остров, Куба, за синевой океана,
 Но если ты скажешь слово, услышат тебя друзья.
 Годы изгладят шрамы,
 Время залечит раны,
 А родину и свободу — никак отдавать нельзя!

Прощание с Кубой

Расставаться пора, расставаться,
Улетать мне на Север родной.
Думал, мне уже поздно влюбляться,
Да не думал, что встречусь с тобой.

Или к сердцу ты мне прикипела,
Только снится ясней и ясней
По ночам твой прибой пеннобелый,
Как платок у невесты моей.

Ни деревьев, ни травки знакомой,
Даже месяц и тот вниз горбом,
Но такая на сердце истома,
Будто отчий бросаю я дом.

Точно молодость, ты многолика,
Не хватает любви моей слов.
Только звонкие птицы тотики
Не заменят уже соловьев...

Куба, Куба, страна островная,
Ты меня отпусти не коря:
Как груженная трелями стая,
Полечу я теперь за моря.

Унесу твои песни с собою,
Раздарю их в российском краю —
Пусть на Волге поют их весною,
Как и сам я с тобою пою...

Мне ствол его напомнил бранный стих.
Он был как все: то грустен, то бодрее.
Деревья есть — растут в оранжерее,
Да только дом не ставят из таких...

Когда он наконец поднялся
И мордой в вымя ткнуться смог,
Еще струился и срывался
Дымок с его дрожащих ног.
Еще вразброс его копытца
Беззвучно падали за ней,
А надо было торопиться
Туда, где ельник был темней.
Туда, где отлежаться можно
Хотя б до первого луча.
И уши шарили тревожно,
И сердце падало, стуча...
Она вела его по звездам,
Сквозь дрожь дремотную осин,
Но набивался с ветром в ноздри
То запах дыма, то бензин.
И, шумно втягивая воздух,
Тянула морду вверх она,
Но с реактивным гулом звезды
Вдруг осыпала тишина.
Гудела где-то электричка,
Надсадно ныл грузовичок.

И на рассвете без привычки
Вконец ослаб ее бычок.
И в час, когда поднялся выше
Туман в проснувшемся бору,
Вдруг оказалось: рядом — крыши,
Высоковольтка на ветру!
Она лизала терпеливо
Его дрожащие бока,
И бледный луч неторопливо
Теплил с востока облака.

Ах, не все ли равно, ах, не все ли?
Вон сосна, что в суглинок вросла,
Не клянет ни природы, ни доли,
Что ей крыльев судьба не дала.

Это мы все куда-то несемся —
Ей стоять на пригорке своем.
Велико, а не минет и солнце,
Да и мы, находившись, вернемся
И в ее же тени отдохнем.

Все тут будут — эпохи и ветры,
Так о чем тосковать ей, о чем?
Ах, как тянутся к нам ее ветви,
Только слов мы ее не поймем.

Все чаще один остаюсь,
Все реже друзей собираю.
Скучаю? Старею? Сдаюсь?
Еще я об этом не знаю.

Сквозит реактивный вдали,
Свой след оставляя белёсый,
И долго гляжу я с земли
С травинкой в губах на откосе.

Хлопочет внизу катерок,
Гудит электричка сквозная.
Я дров подложу в костерок
И вновь как во сне пребываю.

Лежу, вспоминаю друзей —
Улыбку, лицо или слово...
Куда он ползет, муравей,
Над струйкой дымка голубого?

И я отвожу стебелек.
— Иди, бедолага, подале.
Такой первозданный денек,
Такие прозрачные дали...

А что, как бог умом их наделил,
Дельфинов?
Вдруг пришла ему причуда:
Дал плавники, а рук и ног лишил —
Пусть в океане поживут покуда.

На что им руки? Высекать искру?
Метать копьё или тесать каменья?
Бог не впадал в излишние сомненья,
За дело принимаясь поутру.

Не зря ж сказал он, труд окончив свой:
«Растите, множьтесь, наполняйте воды».
И все ж опаслив был творец природы:
Вот вам предел, а дальше — ни ногой.

О господи, мудра была б затея,
Поставь ты точку вовремя на ней!
Сей мир, насколько был бы он целей —
И воздух чище, и вода светлее...

Но так бывает: увлечешься вдруг —
И вот Адам, и вот уж рядом Ева,
И этот чертов плод свисает с древа
В пределах досягаемости рук!..

Куда уж проще — склоти кормушку
И выставь на морозное окно.
Глядишь, какая малая пичужка
И поклюет когда-нибудь зерно.

Не тяжек труд, доступен всем от века:
Две-три доски, и дело не хитро.
Но ты проснись однажды Человеком —
Возьми пилу и сотвори добро.

И посмотри, какое это диво:
Слетит синица первая, одна.
Поест и засвистит неторопливо,
Как будто на дворе уже весна.

Я проснулся утром рано-рано.
Отрывался от земли туман,
И река светло и первозданно
Отражала неба океан.

И роились призрачные звезды,
И еще не слышались вокруг
Птицы, поднимавшиеся в воздух,
Звери, окликавшие подруг.

Никого во всем пустынном свете.
Только копошился возле ног,
Будто небо спрашивая, ветер:
Раздувать ли снова костерок?

Разбудить ли этого скитальца —
Пусть копьё и стрелы обожжет?
Или пусть живет неандертальцем —
Даже дольше, может, проживет...

Федору Гребневу

Ах, знать бы наперед,
Что в дело, что не в дело,
В чем старость смысл найдет,
Что юность проглядела!

Но эта пестрота,
Что жизнью назовется,
Играется с листа —
Как на душу кладется.

Когда бы повторить,
Вернуть иные лета!
Да не остановить —
Вращается планета.

И пусть порой душа
О прошлом вспомнит с болью —
Жизнь тем уж хороша,
Что хоть попелось вволю.

Свирель, рожок, дуда пастушья,
Все дальше ваши голоса.
Уже и вы ушли послушно,
Покинув отчие леса.

Не потому ль притих ревниво
Берез девичий хоровод?
Ах, электрические дива,
Вы лихо справили приход!

Но слышу я: после работы
Ваш виртуоз, придя домой,
По ноте вспоминает ноту
За коммунальною стеной.

И непривычен к песне новой,
Как посерьезневший студент,
Нет-нет, что тот рожок кленовый,
Вздохнет электроинструмент.

И долго эхо где-то гаснет
В том механическом нутре,
Как будто вас кукушка дразнит
В далеком детстве на заре...

Этот странный уродец в цветочном горшке,
На каком он так грустно молчит языке?
Кто он? Рыбий колючий плавник в цветнике?
Чужестранец, забредший в мой край налегке?
Что он видит? Сугроб, что сыпуч, как бархан?
Или жгучую степь экзотических стран?
Или парус, белеющий в синей дали?
Или призрачный берег забытой земли?
Непонятна ему соловьиная трель,
И не радуется вешнего ливня капель,
И невнятна басовая гамма шмеля,
И безвкусна роса, неуютна земля.
Неурочного солнца встречая восход,
Ничего от него он, как видно, не ждет:
Просыпается вечером, дремлет с утра,
На осенние зябко взирает ветра
И, брюзгливо презрев календарный сезон,
Не ко времени тянет в окошко бутон
К тем, бесплотным, как грезы, холодным цветам,
Что так странно рисует зима по утрам...

Город давний мой, отчие ели,
Синей Камы тугая струна,
Ты ли нянчил меня в колыбели?
Ах, как гулка в ушах тишина...

Вот иду я, и гость, и привечен,
С позабытой кепчонкой в руке.
Напой меня камскою речью —
Как скучал я по ней вдалеке!

Столько лет над землей миновало,
Столько в Каме воды утекло...
Что ты, мама, мне здесь напевала? —
До седин мне на сердце светло.

Вот иду я по улочке тесной,
Только тесно ли в доме родном?
Напой меня камскою песней,
Как когда-то поил молоком...

Улечу, растаю, кану —
Знаю сам, не молодой.
Где-то вспомню речку Каму,
Белых чаек над водой?

Только что же, как девчонка
На осеннем берегу,
Долго машет веткой тонкой
Мне рябина на бегу?

Оглянусь и затоскую
У крутого бережка
И по ягодке
Спелую —
Ничего, что гроздь горька.

Ничего, что скоро осень,
Скоро иней на висках,
Ничего, что стынут росы,—
Ах, как терпко на губах!

Ты, как песня из давнего лета,
Вдруг возникла, светла и жива,—
И напев, и мелодия — эта,
Да никак не припомню слова.

Вспоминаю и знаю, что были,
Не хочу ни терять, ни менять,
Точно птица усталые крылья,
Что могли же в дороге устать.

Сиянье люстры, может, и светлей,
И не в пример красивее, конечно.
Но так порой тоскуется по свечке!
Забыли мы уютный свет свечей...

Ах, не ворчи — я тоже за прогресс,
И мне, бывает, света не хватает.
Но есть в свече особый интерес:
Она не всем, а одному мерцает.

Кто я — ребенок, шагнувший за отчий порог?
Кто я — кутенок, дерзнувший расклеить глазок?
Кто я — из почки над бездной вспорхнувший листок?
Кто я — сквозь недра взглянувший на свет ручеек?

В море вливаюсь, в ребячем восторге журча!
К солнцу взбираюсь по тоненькой спице луча!
Жизнь возвещаю, в скорлупочку клювом стуча!
Мир обнимаю, степного коня горяча!

Миг или вечность — какое мне дело, — живу.
Водь или небо — какое мне дело, — живу.
Быль или небыль — какое мне дело, — живу.
Чет или нечет — пою и звезду, и траву!

Только бы жажда — чтоб губы губам обжигать,
Только бы песня — чтоб то, что не скажешь, сказать,
Только бы имя — чтоб слову в душе ликовать,
Только бы ты, чтоб следы твоих ног целовать!

Все замечаю: улитку, щегла,
Вдруг ощущаю, как речка тепла,
Вновь понимаю, что осень светла,
Благословляю за то, что была.
Поздний ли луч ты — спасибо, что есть,
Вешний ли ключ ты — спасибо, что здесь,
Дождь ли из туч ты — спасибо, что весь,
Ветер ли с круч ты — спасибо за честь...

* * *

Все пройдет, но опять повторится
Этот дождь по весне и листва,
Чье-то сердце забьется, как птица,
Не найдя для любимой слова.

Будут новые песни и зори,
Только нам их не видеть с тобой:
Добежим, точно речки, до моря
И — навеки в него с головой.

Только прежде, чем этому стать,
Дай взглянуть на тебя еще раз,—
Не проститься приду — повстречаться,
Поклониться за все в этот час.

Я думал так: довольно мне, что где-то
Есть сердце, не забывшее меня.
От твоего всю жизнь светиться света,
У твоего всю жизнь теплеть огня!..

Любимая, я стал седым с годами,
Но и теперь привержен божеству,
И чту твое негаснущее пламя,
И, твой восход приветствуя, живу.

И, смертный, знаю: все прейдет на свете,
Но, встретив час последний на планете,
Язычник, я не подымусь с колен.

И, отыскав твой свет на небосводе,
Я вспомню в этот миг не о свободе,
Я лишь вздохну, что краток был мой плен.

«Есть мужество, доступное не многим, —
Все понимать и обо всем молчать».
Ах, сколько раз припомнил я в дороге
Тех мудрых слов чеканную печать!

Но, точно рыба донная, из глуби
Я шел к тебе, презрев закон земной.
Я точно знал: давление погубит,
Едва увижу солнце над волной.

Взорвется грудь — и это неизбежно!
Но что закон, когда любовь мятежна,
И что мятеж, приемлющий закон?

Я шел к тебе — и это оправданье
И бунту, и безумству, и незнанию,
И счастлив был, поскольку был влюблен!

Опять он мне, этот поселок,
Приснился под шум кедрачей:
Иду белобрысый, веселый
С куканом иртышских ершей.

Все в цыпках мальчишечьи ноги,
На солнце веснушек пожар,
В пять досок горячих дорога —
Тесовый звенит тротуар...

И много ли мальчику надо!
Тайга, да песок, да река.
И лучшая в жизни награда —
Дорога, что так далека...

Ему еще выпадет где-то
Увидеть тебя по пути,
Чтоб в это беспечное лето
С улыбкою мимо пройти,

О том не подумав нимало,
Что знак подавала судьба...

Но сердце так ровно стучало,
Когда миновал он тебя!

А что б подойти на минуту,
Ну, «здравствуй» бы, что ли, сказать!
Как часто тебя почему-то
Он будет потом вспоминать...

Какая-то малая малость —
Улыбка ли, прядка волос! —
Такой дорогой оказалась,
До старости память пронес...

Все видевший в долгой дороге,
Я знаю свой сон наизусть:
Опять я сейчас, легконогий,
Минуя тебя, пронесусь.

Всего и почувствую только,
Коснувшись босою ступней,
Как, солнцем прогретая, тонко
Доска прозвенит за спиной.

Да, может, других беспокоя,
Вздохну и услышу в упрек:
— Чего тебе снится такое?
Скулишь, как побитый щенок...

Их величество
 Спал.
 Где-то хлопал отчаянно парус,
 Лезло солнце в каюту,
 Надсадно брнчало стекло.
 Их величество спал,
 Как ему в этот час полагалось,
 Запрокинув кадык
 И ботфорт опустив тяжело.

И обветренный шкипер,
 Наверно, из пришлых голландцев,
 Хрипло путал слова,
 Торопя внеурочный аврал,
 И метались матросы,
 Всю палубу драя до глянца,—
 Босиком,
 Чтоб по дубу каблук не стучал.

И изящный лейб-медик,
 Скосившись на швабру комоло,
 Золоченый лорнет
 К близоруким глазам подставлял —

Все спасал от воды
Стрекозиные крылья камзола,
Как комар на болоте,
От суши до суши скакал.

Было за полдень. Петр,
Отобедав с друзьями на славу,
Опочил. И лейб-медик,
Рейнвейна испив за столом,
Мог теперь отдохнуть.
И грешны ли на радостях, право,
Анекдоты с арапом,
Проделки с царевым шутом!

Как разлегся он, шут!
Видно, солнце беднягу сморило:
Бороденка на грудь,
И откинута напрочь рука.
— Ибрагим, надо это...
Чтоб волосы к грудь присмолило.
Надо смоль и потом
К борода для шута огонька!..

Ах, как дернулся шут,
Как мотнул бороденкою круто,
Как лейб-медик визжал,
Чуть лорнет не свалился за борт!
Не заметили даже,
Как выскочил Петр из каюты —
И спросонок в арапа,
В арапа пудовый ботфорт!

...Где-то слева по борту
Голландия палила скалы.

Где-то шведы дивились,
Тревожно следя корабли.
И угрюмая Балтика
Веско под борт поддавала,
Проверяя, крепки ли
Фрегаты Российской земли.

И, кафтан застегнув
И взошед, словно вахтенный, в рубку,
Царь, приветствовав шкипера,
Встал за тяжелый штурвал.
— Ну-ка, братец любезный,
Набей мне заморскую трубку.
Что-то руку свихнул.
Не того, говорят, наказал!..

Так смеются цари —
Аж слеза по щеке покатилась!
И молчал Ибрагим,
Поводя посиневшим плечом.
— Значит, зря, говоришь?
Наказание — царская милость.
Ты напомни, что бил,
Как еще провинишься потом!..

И опять хохотал,
Аж скрипела дубовая бимса.
И смеялся арап,
Позабыв про тяжелый ботфорт.

...На заморском ветру
Флаг Российской империи бился,
И попутные волны
Покорно ложились под борт...

Был он сед и нахохлен, как беркут,
Все запахивал зябко камзол,
Все смотрел, как покрикивал сверху
Кучер ко́ням острожным: «Па-шол!»

Как угрюмая стража теснила
Люд тобольский на взвозе Прямском,
Как фельдъегерь укутывал рыло,
Августовским продут сквозняком.

...Где-то кремль возвышался, белея,
Дрогли сосны у белой стены.
Гасло солнце в окне рентереи —
Крепкостенной губернской казны.

И Иртыш простирался за далью,
И тайга к синю морю пошла...
Хорошо, что княгинюшка Дарья,
Прости господи, не дожила!..

Он вздохнул, дочерей своих обнял,
И едва улыбнулся княжнам,

Сразу хрястнуло что-то в оглоблю,
И тотчас поднялся тарарам:

— Робя, гляньте-ко, эх он взбодрился!
— В камни ирода!..—

Что тут пошло!

Он не помнил, когда очутился
На дороге, дыша тяжело.

— Стойте! Женщины здесь. Как вы смели!
Если бить, так меня одного!..—
И толпа, будто все отрезвели,
Отшатнулась с дороги его.

И шагал он, как прежде, бывало,
Пред полками российскими шел,
Только бровь его нервно дрожала
И взлетал за спиною камзол!

И ворчал: — Попугать захотели...
Вот я вас!..— И грозил кулаком.
Где-то пленные шведы глазели
И пугливо крестились тайком.

И фельдъегерь покрикивал строго

Насмешник, странник, соловей,
Серебряная песня,
Опять в дворцах земных царей
Тебе, как в клетке, тесно!

Вновь каманчу через плечо —
И вслед за караваном,
Чтобы от солнца — горячо,
Чтобы от ветра — пьяно.

Чтоб в придорожной чайхане
Шумел случайный меджлис:
— Эй, брат, ты спой такую мне...
Ты пой, чего ты медлишь!

И вновь по радости смычок,
И вновь по чьей-то боли,
И вновь у чьих-то глаз платок
Белеет, как от соли.

А утром снова дробь шагов,
И дождь, и ветер в спину.

Ах, сколько в мире языков,
А боль одна-единая!

Ты пой, Саят, шути, Саят,
И плачь с людьми, коль плачут,
Ведь только эти песни, брат,
Чего-нибудь да значат.

И кто там вспомнит в оный год,
Какой был царь на свете!
Ты пой, потомок унесет
В века лишь песни эти.

И пусть в кармане ни гроша —
Прокормит бог поэта.
Не оскудела бы душа,
Для песни важно — это.

В. Полторацкому

Не знаю, лень или хандра,—
Не взять и книжку в руки,
Не выйти из дому с утра,
Не постигать науки,

А просто в кресло сесть в тиши,
Блокнотик на колени,
И все, что на сердце,— пиши
Как бы для исцеленья.

За эпизодом эпизод,
За размышленьем сцена,
Пустяк ли, случай — все в зачет,
Сгодится постепенно.

И пусть ни фабула, ни жанр
Нисколько не тревожат.
Пускай записки полежат —
Понадобятся, может.

Ну, не при жизни повезет
И не тебе, другому,
А ты возьми-ка свой блокнот
И не спеши из дому.

А то сними со стеллажа
Том чьих-то бдений грешных
И, как писался не спеша,
Прочти его неспешно...

Я эти книги полюбил:
Какая в них наука!

А тоже кто-то ведь хандрил.
Да кто — вот в этом штука!

Какая мука это — вспомнить
Свою давнишнюю строку!
Сосуд разошедшийся наполнить?
К истоку повернуть реку?

Как будто вновь мостишь дорогу,
Чтобы шагать по ней, пустой,
Переживая понемногу
Все, что опять перед тобой.

Слова слетятся, словно птицы,
Не пожалей лишь горсть зерна.
К себе суметь бы возвратиться
И вновь себя прожить сполна!

Сны мои... И вижу их не чаще,
Только вот все больше о войне:
То снаряд тряхнет, как настоящий,—
Даже комья глины по спине.

Даже кровь красна и пальцы клейки,
И тухлинкой в ноздри бьет дымок.
То колотит в спину трехлинейка,
И до дому путь еще далек.

То в огонь несет пехота валом,
И орешь истошно на бегу...

Прежде просыпался хоть, бывало,
А теперь и это не могу.

МАТЬ

Поэма

1

Война сначала миновала
Тот позабытый уголок —
Она дороги выбирала,
Где танк пройти удобней мог.

А тут чащоба да болота,
Зимой и то не вынуть ног,
И наша пятилась пехота
Все большаками на восток.

А вслед за нею немец валом
Под рев гармоники губной,
Еще нахальный поначалу,
Катил окольной стороной...

Прошли, наверное, недели —
В те дни хватало всем хлопот, —
Сюда вдруг немцы налетели,
Найдя дорогу меж болот.

Кур постреляли, хлеб забрали,
Колхозный трактор взяли в плен,
Предсельсовета расстреляли,
Поставив старосту взамен.

И укатали тотчас дале,
Спалив два дома, чтоб урок.
И мужики науке вняли:
Дозоры выставили впрок.

С тех пор, едва в деревню власти,—
Деревня в лес — и люд, и скот:
Кому награда это счастье —
Искать строптивых меж болот!

2

О партизан святая ярость,
Наверно, так во все года
Ты гневной силой наливалась,
Когда входила в дом беда.

И, переполнившая чашу,
Рвалась однажды через край,
Каким ты новым иль вчерашним
Словцом ее ни нарекай.

Она свое поднимет знамя,
Как почка, вскинет вверх листок,
Была бы почва под ногами
Да сверху неба лоскуток!

...В тот день, почистив молча ружья,
Ушли в засаду мужики,

Поскольку жить на свете — нужно,
Всем лиходеям вопреки.

Не знаю, скоро ли, не скоро,
Но близ деревни той порой
Нашли сначала фуражеры
В болоте вечный упокой.

Затем постигла та же участь
Эсэсовцев залетный взвод,
Пока сгущаться стали тучи,
Прикрыв свинцово небосвод.

Однажды тропкой сквозь болото
В деревню двинулся отряд.
Их было там не меньше роты —
И авангард, и арьергард.

Мелькали каски то и дело,
Угрюмо цокал пулемет.
Деревня сразу опустела,
Как ветром выдуло народ.

Кто ребятишек кутал в шали,
Кто хворостиной гнал коров.
А там, в деревне, кур стреляли
И гоготали у костров.

Лишь с темнотой, когда все смолкло —
И смех, и поросячий визг,
Там, за туманной далью волглой,
Вдруг клубы дыма поднялись.

И объяснять не надо было,
Что значит этот дым над ней,

И бабы плакали уныло,
И молча кутали детей...

Наутро все пошло сначала —
Все ближе автоматный треск.
Наверно, цепью заступала
Пехота в тот примолкший лес.

То слева выстрелы, то справа,
И пули одадь — «жив» да «жив».
Проческа там или облава,
А уходи, покуда жив.

И вновь в охапку ребятишек
Схватили бабы — и айда.
Лишь на закате стало тише —
Должно, умаялась орда.

И то сказать, еще б немного,
Версту какую, им пройти —
И все, и кончится дорога —
Легло болото на пути.

Уж клубы грузные тумана
Над ним ворочались вдали,
И было даже как-то странно,
Что немцы дальше не пошли.

Они орали где-то рядом,
И что-то пел там хор хмельной,
И всполошенным звездопадом
Ракеты сыпались порой.

И лишь когда с зарей кровавой
Над лесом встал печальный диск,

Они, прославшись, всей оравой
Опять за дело принялись.

Как цепь загонщиков густая,
Шумя, стреляя пред собой,
Неотвратно шла их стая
Сплошной невидимой стеной...

3

В болото, в стынущую жижу,
Вошли сначала мужики.
Она была густой и рыжей
И заливала сапоги.

Потом — детишек на закорки —
Кто в сапогах, кто босиком,
Их жены той дорогой горькой
За ними двинулись гуськом.

Редел туман, и надо было
Скорее всем уйти туда,
Где за холодной топью стыла
Березок хилая гряда.

Была уже по пояс тина,
С трудом давался каждый шаг,
И молча шли вперед мужчины,
Жердями щупая бочаг.

И, оступаясь в вязкой жиже, —
Уже вода им глубока, —
Все к матерям теснились ближе
Их дети, тихие пока...

К болоту немцы вышли быстро.
Уже их речь слышна была,
Уже туман зеленой искрой
Ракета нехотя прожгла.

И автоматной частой строчкой
Хлестнуло где-то рядом вдруг,
И миг застыли, словно кочки,
Оцепенели все вокруг.

И даже детям было ясно,
Какая это тишина.
Лишь гулко вспучивалась ряска,
Когда пузырь всплывал со дна.

Но то, что всем понятно было,
Понять один еще не мог:
Он все возился что есть силы,
В сырой пленке сосунок.

Всего-то, верно, было надо
Сменить ее да сунуть грудь,
Но грызла губы мать с досады,
Не в силах пальцем шевельнуть.

Одной рукой она держала
Того, старшего, чтобы вдруг
Не нахлебался жижи ржавой,
На глуби выскользнув из рук.

А он на мать глядел в испуге,
На этот трепетный комок:
Уже ее ослабли руки,
И он ничем помочь не мог.

И все смотрели молча одаль —
Ни подойти, ни взять мальчика:
Лишь плеск один — и тотчас воду
Прошьет тугая дробь свинца!

Она уже едва стояла,
Лишь шевелился ил густой,
Как будто горестно вздыхало
Болото над ее бедой.

Дыханьем, шепотом, словами,
Какие знает только мать,
Она, склонясь над пацанами,
Все тщила малое унять.

Она трясла, она качала
Его, как боль свою, как стон,
И вся деревня не дышала:
Что, как зайдется в крике он!

Тогда уже ни кочки эти,
Ни тех березок островок, —
Уже никто на белом свете
Деревню их спасти б не смог...

4

Приречным жителям знакомо,
Как звучно слово над водой,
Когда рассветная истома
Туман лелеет золотой.

Оно возникло где-то рядом —
Чужое, резкое, как крик.

Быть может, было ей не надо
Его услышать в этот миг.

Лишь на мгновение, на минуту,
Врасплох застигнутая им,
Она вдруг выпрямилась круто
Над сыном маленьким своим.

Над тем, от сдавленного крика
Уже задохшимся вконец.
Наверно, не хватило мига,
Чтоб закричал ее малец.

Он должен был вздохнуть сначала,
Был нужен воздуха глоток.
Но почему не закричал он,
В тот миг никто понять не мог.

Она стояла, как стояла,
От всех вдали, всему чужда.
Казалось, будто миновала
Ее одну меж всех беда.

Лишь взгляд все вздрагивал от боли,
Как будто — вот хлестнут кнутом,
Пока он дергался в подоле,
Малыш ее под животом.

Но расступившаяся ряска
Уж берега над ним свела,
Как в доме мертвого с опаской
Задерживают зеркала...

Она не помнила, не знала,
Когда затих он там, в воде.
Уж солнце медленно вставало,
Холодное к ее беде.

И, ткнувшись носом ей под мышку,
Беззвучно вздрагивал порой
Ее все видевший мальчишка,
Ее оставшийся старшой...

Кто знает, долго ли стояла
Она, одна, от всех вдали?
Она не помнила, не знала,
Как к ней сельчане подошли.

Как разжимал ей руки кто-то,
Чтоб оторвать ее детей,
Как молча рухнула в болото
Она, увидев вдруг людей.

Уже потом, у той могилы,
У дорогого ей холма,
Она поймет, собравши силы,
Что не сошла она с ума,

Что мир стоит, что живы люди,
Поскольку теплятся костры,
Что только ей уже не будет
Тепло на свете с той поры...

Лишь одного она не знала,
Печалью сгорблена своей,
Что эта чаша — лишь начало
Бед, что испытать придется ей.

Она сидела до рассвета,
Еще не видя в той дали,
Что быть войне четыре лета,
Что лишь два месяца прошли...

* * *

Ну вот и все, что случилось с нею,
Вернее — что известно мне.
Я дополнять рассказ не смею:
Не дело байки о войне.

А приставать с расспросом к людям
Мне с каждым годом все трудней:
Пускай как знаю, так и будет, —
Боюсь, не сделать бы больней.

И лишь когда в иной беседе
Ответить надо, хошь не хошь:
Мол, как же мы пришли к победе,
Мол, как мы выстояли все ж? —

Я вспоминаю то болото,
И мать, и двух ее детей:
Да мог ли нас осилить кто-то?
И вновь склоняюсь перед ней.

СОДЕРЖАНИЕ

Возвращение с войны	5
Переправа. Поэма	7
Баня в Берлине	15
Девятое мая	17
На Оби	18
Воспоминание о ЦДЛ	20
12 апреля 1961 года	22
1 мая 1919 года	25
День строителя в Вуктыле	27
Пароход	30
Гостевая комната заставы	34
«Шьет сапоги сапожник, мой сосед...»	36
«Свойство памяти или души...»	37
Кубинский репортаж	
Переводчица	39
Кочинос	41
План Вианда	44
Сафра	46
Берег Хемингуэя	47
В питомнике крокодилов	48
«Что надо нам, дружище, на дороге?...»	49
В отеле «Гавана либре»	50
Один вопрос солдатам Пиночета	51
Гаванский порт	52

«Бодегита дель Медно»	53
«Не близок твой остров, Куба...»	56
Прощание с Кубой	57
«Как дерево растет?...»	59
Лосиха	61
«Ах, не все ли равно, ах, не все ли?...»	63
«Все чаще один остаюсь...»	64
«А что, как бог умом их наделил...»	66
«Лес «прогоняли», а теперь «сплавляем»...»	68
«Куда уж проще — сколоти кормушку...»	69
«Я проснулся утром рано-рано...»	70
«Ах, знать бы наперед...»	71
«Свирель, рожок, дуда пастушья...»	72
Кактус	74
В Сарапуле	75
«Улечу, растаю, кану...»	76
«Ты, как песня из давнего лета...»	77
«Сиянье люстры, может, и светлей...»	78
Восточные мотивы	
1. «Кто я — ребенок...»	79
2. «Все замечаю: улитку, щегла...»	80
«Все пройдет, но опять повторится...»	81
Два сонета	
1. «Я думал так...»	82
2. «Есть мужество...»	83
«Опять он мне, этот поселок...»	84
Петр I на Балтике	86
Меншиков в Тобольске	89
Саят-Нова	92
«Не знаю, лень или хандра...»	94
«Какая мука это — вспомнить...»	96
«Сны мои... И вижу их не чаще...»	97
Мать. Поэма	99

**АЛЕКСЕЙ СТЕПАНОВИЧ
СМОЛЬНИКОВ**

СЛЕД ЗВЕЗДЫ

М., «Советский писатель», 1978, 112 стр.
План выпуска 1978 г., № 185

Редактор *В. С. Фогельсон*
Худож. редактор *В. В. Медведев*
Техн. редактор *А. И. Мордовина*
Корректор *И. Ю. Ковалева*

ИБ № 1297

Сдано в набор 20.10.77. Подписано к печати 14.02.78. А 07230. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Печ. л. 3¹/₂. Усл. печ. л. 4,9. Уч.-изд. л. 3,21. Тираж 10 000 экз. Заказ № 859. Цена 35 коп. Издательство «Советский писатель», Москва Г-69, ул. Воровского, 11. Тульская типография «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109